

АВТОРИТАРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ПОЧЕМУ БЕЛАРУСЬ НЕ СПОСЛОБНА ПОВТОРИТЬ ПУТЬ ЮЖНОЙ КОРЕИ?

ВКЛАД BISS В ДЕБАТЫ ПО ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ / МАРКЕТИЗАЦИИ.

Алексей Пикулик

Преамбула

Настоящий рабочий документ готовит почву для одного из новых стратегических направлений исследований BISS: модернизация и институциональные изменения. С сентября 2012 BISS откроет обсуждение тем, имеющих стратегическое значение для развития страны: институциональная модернизация, ловушки развития, последовательность реформирования, перспективы модернизации без вестернизации, влияние глобальных правил на внутреннюю организацию институтов (например, формирование рынка, социальное развитие).

Резюме

Белорусские власти рассматривают консолидированный, дисциплинированный и неподотчётный обществу государственный аппарат¹ как безусловное сравнительное преимущество в управлении экономическими изменениями. Так, белорусская игра в «авторитарную модернизацию» позволяет властям, с одной стороны, тормозить процесс реформирования экономики, подменяя действия декларациями, что в условиях стабильной внешней ренты из России может являться рациональным выбором белорусских элит. С другой стороны, отсутствие вертикальной и горизонтальной подотчётности в белорусской политической модели (т. е. демонтированная система сдержек и противовесов в ситуации отсутствия у общества возможностей влияния на власть) теоретически позволяет снижать политические издержки от проведения экономических реформ.

Итак, по мере возрастания давления как со стороны России, так и Евросоюза в том, что касается необходимости проведения полномасштабных экономических реформ, становится очевидным, что процесс реформирования не будет открытым и подотчётным обществу: инклюзивная политизация реформ и включение различных групп интересов в процесс выработки новых правил игры в экономике очевидно идут вразрез с рациональными корпоративными интересами политических и экономических элит как Беларуси, так и России. Из этого вытекают два взаимосвязанных систематических риска.

Во-первых, деполитизированные и непрозрачные экономические реформы, проводимые в условиях политического режима с низкой подотчётностью, вероятно, приведут к тому, что Беларусь попадёт в серьёзную ловушку развития с некоторой вариацией на тему «захвата государства» влиятельными корпоративными кругами (Hellman, 1996) как наиболее вероятного результата. *Во-вторых*, непрозрачные реформы создадут «зависимость от колеи»; в белорусском случае это долговременные и трудноисправимые диспропорции и асимметрии, которые возникнут, например, в результате передачи активов в руки собственника, выбранного из соображений максимальной политической выгоды, а не долговременной экономическою целесообразности.

Существуют ли способы построения нормального капитализма без доминирования асимметричного доступа к правам собственности, серьёзных экономических искажений и «плохих» институтов? Иначе говоря, можно ли избежать

---

¹ Здесь понятие «сильное/эффективное государство» используется не в привычном западном понимании как «либеральное государство с верховенством закона», а скорее как авторитарное, репрессивное государство, сращенное с политическим режимом.

ловушки развития при реформировании экономики в белорусских реалиях (т.е. при авторитарной политической модели)?

Настоящий рабочий документ вносит свой вклад в обсуждение классической дилеммы «курицы и яйца», реанимированной Либеральным клубом в июне 2012 года (что первично: формирование рынка или построение демократии?). Текст построен на критическом обзоре соответствующих научных работ в области политической экономии и экономической социологии и опирается на опыт ряда стран Латинской Америки, Восточной Азии и Восточной и Центральной Европы.

В работе утверждается, что в насущных интересах Александра Лукашенко (и необязательно его элит) придать процессу экономического реформирования более инклюзивный и подотчётный характер: элитам следует пожертвовать частью своих краткосрочных выгод и рент от непрозрачных реформ ради долгосрочных перспектив развития белорусской экономики. Вопрос, который исследуется в этом документе, не является ни абстрактным, ни наивным. Независимо от конкретных стимулов к реформированию (будь то потери российских субсидий, внешние шоки или внутреннее политическое давление, подкреплённое со стороны Запада) и имён персоналий (и стоящих за ними интересов), принимающих решение, Беларусь должна опираться на опыт соседних стран и избежать типичной ловушки развития. Так, только инклюзивная политизация экономических реформ может явиться средством для стабильного развития политических и экономических институтов.

Данная работа организована следующим образом: вначале изложены (а) определяющие факторы «относительного успеха» стран Центральной и Восточной Европы в том, что касается одновременного проведения политических и экономических реформ; далее следуют (б) обсуждение типичных «ловушек развития» и успешных случаев авторитарной модернизации; (в) адаптация обсуждения к условиям Беларуси и в заключение (г) приводятся наброски возможных предполагаемых путей развития, по которым Беларусь могла бы пойти, и выделяются системные риски и выгоды.

1. Параллельность экономических и политических реформ и «ловушки развития».

Вопрос «яйца или курицы» (политическая или экономическая реформа в первую очередь?), который недавно был вновь поднят в белорусской общественной сфере Либеральным клубом, нуждается в правильной контекстуализации. Прежде чем мы углубимся в эту тему, следует упомянуть по крайней мере три пласта научного и политического дискурса, в которых этот вопрос раскрывается.

Первый и самый новый слой обсуждения темы «демократия/капитализм» – это так называемое «догоняющее развитие», или дискуссия по вопросу автократической модернизации. Речь идёт о моделях формирования рынка и реформах, направленных на улучшения благосостояния в странах с автократическими правительствами (то есть случаи Южной Кореи, Сингапура, Гонконга и т. д.). Мы вернёмся к конкретным примерам в конце данного раздела.

Во-вторых, дискуссия на тему «яйцо/курица» является продолжением спора, начатого в 1970–1980-е сторонниками теории модернизации и транзитологами. Для первых демократия может быть совместима с капитализмом только в тех обществах, которые достигли определённого уровня зрелости, что проявляется в «правильном» распределении предпочтений и ценностей. Недостаток такого подхода в том, что с началом реформ широкие социальные группы будут использовать свои недавно приобретённые политические и гражданские права и выбросят реформаторов из правительства сразу же после первой волны трудностей переходного периода. Для «транзитологов», в случае параллельного укоренения капитализма и демократии, речь идёт не о предварительных предпосылках, но о результатах политических конфликтов и компромиссов, которые в определённые моменты позволяют сосуществовать демократии и капитализму.

В-третьих, дискуссия на тему совместимости капитализма и демократии представлена в 1990-х в рамках дискуссии между сторонниками шоковой терапии и теми, кто выступал за постепенное реформирование. Сторонники шоковой терапии рассматривали потенциально пострадавших от реформ (например безработных, пенсионеров и др.) в качестве наиболее вероятного препятствия для развёртывания реформ и предлагали: а) оградить реформаторов от общественного давления, б) провести реформы настолько быстро, насколько это возможно, чтобы предотвратить политическую мобилизацию пострадавших, в) допустить заключение «сделки с дьяволом», то есть сформировать прореформистскую коалицию путём предоставления новым активным рыночным субъектам исключительных прав собственности в качестве награды. В действительности это часто означало подкуп и предоставление системных рентных доходов тем, кто мог бы помочь реформаторам преодолеть противодействие со стороны групп, заинтересованных в сохранении статус-кво (например, коммунисты и «красные директора»). Это, как полагают некоторые исследователи, помогало сделать реформы необратимыми (подробное см. Schleifer and Treisman (1998)).

В отличие от сторонников шоковой терапии, градуалисты считали, что реформаторы должны попытаться угодить широким слоям электората, чередуя популярные и непопулярные меры, которые должны сделать реформы более массовыми и, таким образом, необратимыми *ex post* и *ex ante*. Как оказалось, реальность совершенно не соответствует теоретическим предписаниям. **Скорость и последовательность, проведения реформ оказались малосущественны по сравнению с одним главным фактором – политическим контекстом, в котором проводятся реформы.**

Так, «счастливая семья» стран Центральной и Восточной Европы после обретения независимости пережила созволюцию политических и экономических институтов. Здесь переход к демократии и консолидация демократических режимов шли рука об руку с формированием рынка: реформаторы успешно использовали «медовый месяц» после краха коммунистического правления, капитализируясь на социальном запросе на европеизацию (назад в Европу = назад к нормальной жизни). Запаса социального терпения хватило на то, чтобы преодолеть «долину слёз». Политические же конфликты и компромиссы, и, как следствие, вынужденные социальные компромиссы, лишь укрепили государственные институты, необходимые для эффективного функционирования рынка. Принадлежа к «несчастной» семье постсоветских стран, где процесс трансформации был пущен под откос почти сразу же после его начала, Беларусь скорее прошла через параллельную эрозию политических и экономических институтов, а не через их созволюцию.

Созволюция демократии и капитализма в странах Центральной и Восточной Европы объясняется Hellman (1998), Stark and Bruszt (1998) и Bruszt (2006) общим условием – наличием политических режимов с расширенной подотчётностью. Реформаторы здесь вынуждены совмещать разнообразные и порой противоречивые интересы разнообразных групп, от которых зависела политическая выживаемость реформаторов. По сути, именно расширенная подотчётность заставляет реформаторов искать компромиссы и экспериментировать с новыми правилами игры в экономике, а также защищает процесс создания новых правил от концентрированного влияния узких групп интересов. И наоборот, в тех странах, где экономические реформы проводились в условиях режимов с низкой горизонтальной и вертикальной подотчётностью, создание долговременных правил игры (экономических институтов) и процесс распределения прав собственности попали под контроль узкой группы лиц, заинтересованных в извлечении системных рент путём создания экономик «под себя».

В политэкономической литературе данный феномен зачастую называется «захватом государства» (Hellman, 1998). Так, в период выработки новых фундаментальных правил игры (как в ситуации перехода от социализма к капитализму) некоторые конкурирующие группы могут быть достаточно мощными, чтобы встроить партикулярные, выгодные для них асимметрии в новый порядок, осуществляя таким образом приватизацию/похищение (McFaul, 1998) или захват самого государства как института, создающего общие правила (Hellman, 1998). В итоге, для рыночных игроков инвестиции в политику оказываются гораздо выгоднее каких-либо иных трансакций.

В свою очередь, ответственные за принятие решений лица в ситуации отсутствия общественного контроля и системы балансов и противовесов «продают» асимметричный доступ к правам собственности либо за нелегальные денежные трансферты (откаты, миноритарные пакеты в новых корпорациях), либо же из соображений политического выживания. Так, в России проведение залоговых аукционов, передавших контроль над ключевыми активами нескольким избранным финансовым группам, явилось стратегией президента Ельцина по созданию антикоммунистической коалиции и получению ресурсов для проведения избирательной кампании.

Постсоветская история изобилует множеством подобных примеров: это и невозможность провести макроэкономическую стабилизацию в России в середине 1990-х ввиду политического влияния частных банкиров, получавших сверхдоходы от доступа к государственному кредитованию и блокировавших стабилизационные меры в российской Думе, и создание системы частных газовых трейдеров в Украине, и многое другое.

Таким образом, «захват государства» (например в России, Румынии, Украине, Грузии и др.) становится «ловушкой развития» и главным препятствием для последующего

реформирования, *во-первых*, потому что новые «победители» заинтересованы в сохранении частично реформированного статус-кво (либерализация без регулирования); *во-вторых*, извлечение ренты (капитализация на «плохих» правилах игры) выгоднее, нежели цивилизованный и транспарентный бизнес, что зачастую приводит к экономическим кризисам (утечка капитала, низкая инвестиционная привлекательность страны, отсутствие нормального экономического правоприменения и т. д.). «Ловушки развития» сохраняются достаточно длительное время, поскольку процессы, происходящие в период захвата государства, приводят к зависимости от колеи. Так, пересмотр результатов приватизации (национализация и реприватизация нелегально приобретённых активов) может оказаться намного дороже, чем сохранение статус-кво.

В противоположность этому, захват государства не является угрозой в условиях режимов с высокой политической подотчётностью и децентрализованным способом принятия экономических решений, то есть в таких государствах, где организованные группы гражданского общества (профсоюзы, НПО, бизнес-ассоциации) имеют возможности контролировать процесс проведения реформ.

2. Избегая ловушек: Южная Корея как исключение?

У каждого правила есть свои исключения, поэтому остановимся на удачном примере авторитарной модернизации в случае Южной Кореи. Генерал Пак Чон Хи, который стал президентом страны в 1961 году после массовых восстаний, получил в наследство разрушенную структуру экономики. Одним из первых шагов генерала Пака явилось лишение свободы самых богатых бизнесменов страны, которые позже освобождались в обмен на предоставление части своего капитала или акций своих компаний государству. После национализации в 1961 году 100% банков, генерал Пак получил значительные рычаги воздействия на бизнесменов, которые, в свою очередь, после освобождения из тюрем объединились в *Федерацию корейской промышленности*. Это привело к созданию системы «чеболей» – одновременно частных и государственных конгломератов, как правило, работающих на олигархические семьи и развивающихся на основе стратегии диверсификации активов (Волков, 2011). Чеболи имели сильные политические связи, выполняли директивы государства и выступали посредниками между национальным и иностранным капиталом.

Похожие способы организации бизнеса в рамках «иерархического капитализма» вводились по образцу японских «дзайбацу». Такие модели можно обнаружить в качестве ключевых в капиталистических системах Латинской Америки: Чили, Колумбии, Мексике, Бразилии и Аргентине. Корейские чеболи (например *Samsung, LG, Daewoo* и др.) оказали значительное влияние на модернизацию страны и импорт западных технологий. В целом, успех южнокорейской модели явился результатом установления правильной системы сдержек и противовесов между политической и экономической элитами.

Во-первых, политические элиты рассматривали чеболи в качестве партнёров по развитию страны, которые в случае необходимости в состоянии предоставить денежные средства на нужды правительства. В свою очередь чеболи могли рассчитывать на стабильные и обоснованные гарантии не попасть под политически мотивированную экспроприацию частной собственности, что существенно повредило бы развитию всех секторов экономики.

Во-вторых, корейское политическое руководство способно ставить приоритеты развития страны выше корпоративных интересов, и генерал Пак успешно сдерживал аппетиты своих бизнес-ставленников, таким образом предотвращая откатку ресурсов из экономики.

В-третьих, корейское руководство обладало ресурсами, необходимыми для крупных инвестиционных проектов, и успешно использовало внешнюю помощь для развития.

3. Почему Беларусь не способна на «авторитарную модернизацию»?

Попробуем обобщить предыдущую дискуссию и адаптировать её к конкретной ситуации в Беларуси.

Как уже упоминалось, нет сомнений, что руководство Беларуси постарается сохранить статус-кво как можно дольше, то есть участвовать в евразийском интеграционном проекте в надежде получить финансовую выгоду от некоторых его преимуществ и одновременно получать ренту, пользуясь промахами и несовершенством интеграционных институтов. Статус-кво будет сохраняться до тех пор, пока Владимир Путин считает, что преимущества от евразийской интеграции перевешивают потери бюджета России от поддержания Беларуси на плаву. Тем не менее вполне вероятно, что Россия будет более требовательной в отношении Беларуси, увеличив давление на Лукашенко, чтобы он выполнял свои формальные и неформальные обязательства (соблюдение правил евразийской интеграции, введение рыночных механизмов и приватизация).

В обоих случаях – и в случае когда рентные доходы (от России) станут политически слишком дорогостоящими для Лукашенко (т. е. потеря большего суверенитета в обмен на субсидии), и в случае наличия каких-либо других форм внутреннего или внешнего шока/давления – Беларусь вынуждена будет перейти от смешанной социалистической экономики к определённой форме капитализма. Учитывая тот факт, что белорусские элиты и белорусское общество больше заинтересованы в успешном экономическом развитии страны, чем в её демократизации, нет сомнений, что экономические реформы будут проводиться без значительных политических реформ. В целом, отдавая себе отчёт, что в среднесрочной перспективе неизбежность реформирования экономики не подлежит сомнению, руководство Беларуси имеет на выбор ряд реалистичных сценариев.

А. Авторитарная модернизация Беларуси?

Первый сценарий – попробовать провести существенную авторитарную модернизацию страны. Есть несколько важных предпосылок и сравнительных преимуществ такого выбора.

Во-первых, независимо от популярных в оппозиции мифов, в настоящее время Беларусь остаётся страной с низким уровнем захвата государства, где ставленники режима (неверно было бы утверждать, что в Беларуси есть олигархи²) имеют сравнительно слабое влияние на формирование общих правил игры. Режим Лукашенко базируется на перенаправлении внешних рентных потоков с целью получения широкой общественной поддержки (это часть «социального контракта»), поэтому президент Беларуси рационально заинтересован в сдерживании appetites своих ставленников и предотвращении появления настоящих олигархов, осознавая, что сложившиеся группы, ищущие рентный доход, могут откачивать ресурсы, предназначенные для покупки социальной лояльности и общественного согласия.

Во-вторых, имеется и авторитарное преимущество: вертикально подчинённый и хорошо контролируемый государственный аппарат с большим масштабом контроля над экономикой; политическая оппозиция, находящаяся на грани выживания; репрессивные органы, способные в краткосрочной перспективе обуздать широкий протест; преимущественно лояльный большой бизнес; парламент, роль которого сводится к формальному штампованию принятых выше решений.

---

² Одна из следующих статей данной серии будет специально посвящена этому вопросу.

Что действительно необходимо для авторитарной модернизации (допуская, что Лукашенко серьёзно решит пойти по этому пути), так это реконсолидация системы иерархического капитализма, в которой работает механизм хорошо управляемых бизнес-ставленников. На практике это означает допуск дальнейшей концентрации капитала в руках лояльного частного бизнеса через приватизацию и привилегированный доступ к собственности в обмен на выполнение двух задач. Первая – поддерживать существующую социальную модель, делясь частью рентных доходов с обществом и беря под опеку несостоятельные предприятия с высокой концентрацией рабочей силы. Вторая – содействовать властям в противостоянии давлению со стороны российского капитала и способствовать развитию страны. Тем не менее есть несколько серьёзных препятствий на пути автократической модернизации Беларуси (которые не позволят Беларуси структурно копировать южнокорейский путь).

- Существует явный дефицит доступной ликвидности в Беларуси, необходимой для больших инвестиционных программ (особенно в случае, когда более дешёвые европейские и американские кредиты временно недоступны), а значит, Александр Лукашенко, если он хочет повторить «скачок тигров», вынужден будет изымать ресурсы из патерналистских государственных программ, что, в свою очередь, ещё больше повлияет на «социальный контракт» и существенно сократит уровень поддержки Лукашенко.
- Несмотря на значительное улучшение ситуации с венчурным капиталом, высокотехнологичной продукцией и инновационными предприятиями, Россия по-прежнему отстаёт от западных стран, которые смогли бы стать для Беларуси надёжными партнёрами в модернизации. Здесь Беларусь находится в порочном круге: **привлечение западного капитала/технологий вряд ли возможно без политической либерализации и некоторых форм вестернизации, которые в свою очередь подорвут перспективы автократической модернизации.**
- Существует явный дефицит современного человеческого капитала для принятия решений и знаний в том, что касается как привлечения внешних заимствований/инвестиций, так и их направления в потенциально прибыльные стратегические отрасли. Ни одна из многочисленных государственных программ по увеличению притока прямых иностранных инвестиций не выполняется, зато наблюдается чётко выраженный отток инвесторов из Беларуси. Другими словами, правительство пытается решить проблему низкого уровня прямых иностранных инвестиций путём предоставления потенциальным инвесторам преувеличенных, почти офшорных льготных условий, теряя при этом возможность защищать национальные экономические интересы и создавать реальную ценность для экономики.
- Увеличивая интеграционное давление, российские политические и экономические элиты преследуют при этом свои собственные узкие интересы, которые могут противоречить планам и стратегиям развития Беларуси. Эти элиты действительно желают получить право полной собственности/контроля над белорусскими предприятиями, тогда как миноритарное акционирование и долговое финансирование новых белорусских бизнес-групп (в случае если белорусские «чеболи» начнут формироваться) являются для них гораздо менее привлекательными. Точнее, российские предприятия заинтересованы в действительной приватизации белорусских предприятий, а не в слиянии и поглощении после того, как эти предприятия будут проданы местным бизнес-группам.
- И, наконец, большой вопрос, будет ли Лукашенко в состоянии сдерживать аппетиты ищущих рентный доход групп, которые заинтересованы в асимметричных правах собственности, по мере неизбежного роста влияния его бизнес-ставленников вместе с либерализацией белорусской экономики. Более того, местные группы могут создать коалиции с российскими финансово-промышленными группами,

заинтересованными в приватизации Беларуси, и выступить против своего покровителя. Этот фактор создаёт большой риск не только для удержания власти сегодняшними правителями, но и для развития всего белорусского общества.

- В качестве заключения сценария автократической модернизации Беларуси: вопрос не в том, настолько она будет успешной; настоящий вопрос состоит в том, когда этот процесс будет свёрнут после своего запуска. Попытки превратить Беларусь в автократического модернизатора а-ля Южная Корея скорее всего приведут к жёсткому захвату государства, когда захватчиками выступят не только национальные бизнес-игроки, но и российские бизнес-административные группы.

Б. Нормальный путь для Беларуси (а-ля Бирма?)

Второй путь (который на данный момент кажется неправдоподобным, и, возможно, его лучше было бы обозначить как «выдавание желаемого за действительное») обозначает обычный сценарий реформ и, возможно, частично напоминает бирманский сценарий. В Бирме демократические реформы предшествовали экономическим, как только руководство страны осознало, что риск зависимости от регионального гегемона – Китая – слишком велик, как и китайские устремления прибрать к рукам природные ресурсы в Северной Бирме.

Идеальным поворотным моментом для осуществления этого сценария в Беларуси могло бы быть 19 декабря 2010, когда Лукашенко ещё был в состоянии обеспечить себе внешнюю легитимность, продвижение в западном направлении и выбор в пользу частичной политической реформы в целях увеличения притока внешних ресурсов с Запада. Сейчас уже может быть слишком поздно для таких действий: налицо усталость Евросоюза в отношении решения белорусского вопроса. Нельзя сказать, что Запад в значительной степени заинтересован в попытке убедить белорусского *enfant terrible* измениться. Также можно констатировать очевидное доминирование пророссийских настроений в руководящих элитах и в белорусском обществе в целом; наличие большого списка обязательств, которые Беларусь должна выполнять в рамках начатых интеграционных проектов.

Тем не менее минимизация ущерба все еще возможна. Таким образом, парадоксально, но в интересах Лукашенко расширить подотчётность правительства (даже в сфере принятия экономических решений) и создать влиятельный институт общественного контроля над ходом реформ. При этом несомненно, что белорусским властям придётся пожертвовать частью своего рентного дохода, но таким образом, власть может получить следующее:

- разделение ответственности за потенциальные издержки от реформ с негосударственными структурами;
- инструмент для минимизации приватизационного давления России (значительно легче обосновать «нет», ссылаясь на игроков, не подлежащих государственному контролю);
- а также продемонстрировать международным финансовым организациям некоторое улучшение ситуации, что в свою очередь поможет улучшить бизнес-климат;
- свести к минимуму риск «несанкционированной» гонки за рентным доходом, которую правительство будет не в состоянии контролировать;
- избежать ловушек развития и частичных реформ/захвата государства, когда реформирование уже начато.

Предварительное заключение.

Предвидя возможную резкую критику: эта статья не касается стратегии выживания действующего правителя, но утверждает, что Беларусь должна избежать ловушек развития, в которые попало большинство стран с переходной экономикой, где экономические реформы были начаты при низкой подотчетности политического режима.

Стратегический выбор белорусских властей (в случае, если не слишком поздно делать подобный выбор), **таков:** потерять часть своей власти и влияния из-за к евразийской **интеграци** и под внешним давлением игрока с гораздо более сильной переговорной позиции (Россия). **Либо же сознательно пожертвовать частью своих рент, и сделать процесс экономических реформ более инклюзивным. Второй путь, безусловно, является приоритетным для белорусского общества.**

Литература

1. Bruszt, Laszlo. 2006 Making Capitalism Compatible with Democracy – Tentative Reflections from the East. In *The Diversity of Democracy. A Tribute to Philippe C. Schmitter*, edited by C. Crouch and W. Streeck: Edward Elgar (forthcoming).
2. Fish, Steven M. 1998. The Determinants of Economic Reform in the Post-Communist World. *East European Politics and Society* 12 (1).
3. Frye, Timothy. 1997. *A Politics of Institutional Choice: post-Communist Presidencies*. Comparative Political Studies.
4. Hellman, Joel S. 1998. The Politics of Partial Reforms in Postcommunist Transitions. *World Politics* 50.
5. Shleifer, Andrei, and Daniel Treisman. 1998. The economics and politics of transition to an open market economy, Russia, Development Centre Studies. Paris: Development Centre of the Organisation for Economic Co-operation and Development.
6. Stark, David, and Laszlo Bruszt. 1998. *Postsocialist pathways : transforming politics and property in East Central Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.